

Научная статья
УДК 343.14

**ПРОИЗВОДНАЯ ВЕРБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ:
ВИДЫ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ**

Александра Алексеевна Киселева

Академия управления МВД России, Москва, Россия, krokhaleva2000@mail.ru

Аннотация. Обращается внимание на возникновение в правоприменительной практике тенденций по формированию неоднозначных подходов к использованию в доказывании производной вербальной информации. Наиболее остро обозначенная проблема проявляется при оценке показаний сотрудников правоохранительных органов, участников уголовного судопроизводства, получивших информацию при выполнении профессиональных обязанностей или процессуальных функций. Предлагаются понятие производной вербальной информации, классификация ее видов, обуславливающих особенности оценки. Поставлен вопрос о необходимости выработки критериев оценки производных доказательств, обосновываются критерии оценки производных показаний сотрудников правоохранительных органов, основанных на вербальной информации, воспринятой от обвиняемого, подозреваемого (заподозренного), при осуществлении служебных функций.

Ключевые слова: производная вербальная информация, производные доказательства, виды производной вербальной информации, оценка производных доказательств, критерии оценки доказательств, показания сотрудников правоохранительных органов.

Для цитирования: Киселева А. А. Производная вербальная информация в уголовно-процессуальном доказывании: виды и некоторые особенности оценки // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 99–110.

Original article

**DERIVATIVE VERBAL INFORMATION IN CRIMINAL PROCEDURE
EVIDENCE: TYPES AND SOME FEATURES OF ASSESSMENT**

Alexandra A. Kiselyova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, krokhaleva2000@mail.ru

Abstract. Attention is drawn to the emergence in law enforcement practice of trends in the formation of ambiguous approaches to the use of derivative verbal information in proving. The most acute problem is manifested when evaluating the testimony of law enforcement officers, participants in criminal proceedings who received information while performing professional duties or procedural functions. The concept of derivative verbal information, its types, which determine the features of the assessment, is proposed. The question of the need to develop criteria for evaluating derivative evidence is raised, the criteria for evaluating derivative testimony of law enforcement officials based on verbal information received from the accused, suspect (suspected), in the exercise of official functions are substantiated.

Keywords: derivative verbal information, derivative evidence, types of derivative verbal information, evaluation of derivative evidence, criteria for evaluating evidence, testimony of law enforcement officials.

For citation: Kiselyova A. A. Derivative verbal information in criminal procedure evidence: types and some features of assessment // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 99–110. (In Russ.)

© Киселева А. А., 2024

Введение

В последние годы научные дискуссии в области теории уголовно-процессуального доказывания, очевидно, ушли на второстепенный план, уступив исследованиям в области использования в уголовном судопроизводстве информационно-телекоммуникационных технологий, упрощенной процессуальной формы, целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела и других вопросов, порожденных обстоятельствами непроцессуального характера, которые зачастую (нередко, к сожалению) приходится решать процессуальными средствами.

Между тем уголовно-процессуальное доказывание, несмотря на некоторую утрату к нему научного интереса и даже заметное стремление пересмотреть его традиционную сущность предложениями о придании доказательственного значения результатам оперативно-розыскной деятельности [1, с. 111–119], остается краеугольным камнем уголовного судопроизводства. От правильного применения норм доказательственного права во многом зависят и обоснованные решения обозначенных выше острых и актуальных проблем, обусловленных современной жизнью. Многие вопросы доказательственного права, однако, так и не получили окончательного решения, а некоторые, мало того, обострились современной правоприменительной практикой.

Так, несмотря на, казалось бы, ясное нормативное определение доказательств и правила их оценки (ст. 74, 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), правоприменительная практика формирует неоднозначные подходы к использованию в доказывании производной вербальной информации. Особенно остро этот вопрос стоит применительно к показаниям сотрудников правоохранительных органов¹, участников уголовного судопроизводства, которые получают информацию соответственно при выполнении

профессиональных обязанностей или процессуальных функций.

Методы

В ходе исследования использовался прежде всего метод материалистической диалектики. Виды производной вербальной информации и особенности их оценки исследовались с учетом общих проблем оценки доказательств и тенденций правоприменительной практики в развитии научных представлений о роли производных доказательств в уголовном процессе. Использовались также общенаучные методы. В целях определения производной вербальной информации применялись логические приемы анализа и синтеза. С помощью метода классификации производная вербальная информация была разделена на виды, обуславливающие особенности оценки. Сравнительно-правовой метод позволил выявить закономерности формирования и развития различных подходов в судебной практике к оценке производных доказательств в России по сравнению с их оценкой, принятой в англо-американском уголовном процессе. Посредством формально-юридического метода уголовно-процессуальное законодательство исследовалось на предмет возможного пробела в виде отсутствия особенностей оценки производных доказательств. Метод моделирования позволил выявить направления и оптимальные векторы выработки критериев оценки производных доказательств, прежде всего производных показаний сотрудников правоохранительных органов.

Результаты

В результате проведенного исследования было дано определение производной вербальной информации в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве, под которой понимаются сведения, полученные в ходе процессуального действия, выраженные посредством слова (устно или письменно), об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного судопроизводства, сведения,

¹ Заметим, что правильное решение этого вопроса особенно повлияет и на подходы к использованию в уголовно-процессуальном доказывании вербальных результатов оперативно-розыскной деятельности.

о которых получены лицом, передающим информацию, посредством восприятия устной или письменной информации (в любой форме и от любого носителя).

Посредством анализа правоприменительной практики был сделан вывод о существовании неодинаковых подходов к оценке производных доказательств, в частности производных свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов, что указывает на законодательный пробел в виде отсутствия особенностей их оценки.

Разработана классификация видов первоначальной вербальной информации подозреваемого, которая может служить основой для формирования производных свидетельских показаний: 1) показания, данные подозреваемым (обвиняемым) в ходе следственного или иного процессуального действия, целью которого является получение вербальной информации (допрос, очная ставка); 2) сведения, которые являются формой выражения невербальной сущности процессуального действия (предъявления для опознания); 3) сведения, сообщенные в рамках следственного действия, направленного на получение информации невербального характера (осмотр, обыск, выемка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, освидетельствование); 4) объяснения, данные в ходе процессуального действия, целью которого является получение информации вербального характера (в рамках ст. 144 УПК РФ); 5) сведения, полученные в рамках оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «опрос»; 6) сведения, ставшие известными при осуществлении мер процессуального принуждения, иных ОРМ и административных мер обеспечительного характера; 7) иные вербальные сведения, сообщенные гражданами при контакте с должностными лицами правоохранительных органов или между собой.

С целью систематизации мышления в ходе оценки производных доказательств и унификации судебной практики разработаны научно-обоснованные критерии оценки производных свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов.

Предложены следующие критерии допустимого использования показаний должностного лица правоохранительного органа о сведениях, полученных от обвиняемого, подозреваемого (заподозренного): 1) информация получена должностным лицом правоохранительного органа, которое не предпринимало действий, составляющих содержание уголовного преследования, в отношении лица; 2) информация получена в ситуациях, когда между должностным лицом и преследуемым не существовало уголовно-процессуальных правоотношений, содержанием которых является целенаправленная деятельность должностных лиц по получению изобличающей в совершении лицом конкретного преступления информации, т. е. когда информация получена в связи с выполнением иных служебных обязанностей; 3) когда должностное лицо в ходе своей деятельности не преследовало цели получить от лица сведения изобличительного характера.

Обсуждение

Производные доказательства в уголовно-процессуальной доктрине традиционно выделяются в классификационную группу, однако процессуальных особенностей их использования УПК РФ не предусматривает (в этой связи возникает вопрос о практической значимости классификации доказательств на первоначальные и производные), поскольку оценка любых доказательств, включая производные, подчиняется принципу свободы оценки доказательств. Однако в науке проблемность отношения к производным доказательствам признается [2, с. 5–8]. Вместе с тем с учетом складывающейся судебной практики, возросшей в несколько последних десятилетий популярности англо-американского правила «hearsay» [3, с. 79–85], на повестку дня в науке встает вопрос о необходимости нормативного процессуального реагирования на роль производных доказательств в доказывании по уголовным делам.

Предмет дискуссии, как представляется, сегодня должен составлять следующий спектр вопросов: существуют ли производные доказательства, априори являющиеся

недопустимыми; существуют ли процессуальные особенности отдельных видов производных доказательств (в частности, вербальных); какие обстоятельства необходимо учитывать при оценке производных доказательств; имеет ли значение классификация производных доказательств в зависимости от лица-источника производной информации; существует ли необходимость установления критериев оценки производных доказательств в целом или их отдельных видов.

Известно, что основанием для деления доказательств на первоначальные и производные служит наличие или отсутствие промежуточного носителя доказательственной информации [4, с. 265]. Под производными доказательствами следует понимать фактические данные, связь которых с отражаемым фактом опосредована иными сведениями и которые устанавливаются этот факт через сведения от других источников [5, с. 70].

С античных времен юристы обращали внимание на слабость производных доказательств, указывая, что «лучше искать источник, чем ручейки» [6, с. 87]. Правило, содержащее требование о приоритетном значении первоисточников доказательственной информации, прошло проверку временем и отразилось в законодательстве некоторых стран. Так, в английском уголовно-процессуальном праве доказательство «из вторых рук» (hearsay) по общему правилу признается недостоверным и допускается в доказывании лишь в исключительных случаях. Сформулированные положения нашли свое отражение и в российской уголовно-процессуальной доктрине. А. И. Трусов отмечал, что при использовании производных доказательств повышается вероятность искажения фактов, а потому органы следствия и суд в каждом деле должны стремиться отыскать первоисточник [7, с. 56]. М. А. Чельцов, говоря об особенностях производных доказательств, подчеркивая их меньшую надежность, указывал на затруднительность их проверки, а также на то, что при передаче сведений через опосредующие звенья многие имеющие значение для дела черты события исчезнут и в то же время событие

образует такими подробностями, которые не всегда соответствуют истине [8, с. 144–145].

В наибольшей степени это мнение основано на особенностях именно производной вербальной информации, которая зачастую подвержена серьезному риску искажения в силу влияния факторов субъективного характера. Такой риск соизмерим и для устной, и для письменной производной вербальной информации, однако следует учитывать, что при получении первой следователь может в определенной степени управлять процессом (получение показаний, объяснений), а письменная почти всегда вовлекается в виде готовых объектов, сформированных за рамками судопроизводства (например, электронное сообщение об услышанном от другого лица), что подлежит учету при оценке, но не снимает опасность намеренного или ненамеренного искажения сведений.

Заметим, что понимание вербальной информации в теории уголовно-процессуального доказывания различается. Так, В. В. Семенов рассматривает вербальную информацию в уголовном процессе как сведения, содержащиеся в показаниях участников процесса, исходя из того, что показания представляют собой вербальное (речевое) сообщение. Вербальная информация признается им выраженной словом и существующей в любой форме [9, с. 17].

А. В. Победкин предлагает максимально широко толковать термин «вербальная информация». Под ней он понимает любые сведения, которые выражены словами и существуют в любой форме (передаваемые устно, зафиксированные на аудио-, видеопленке в виде устной речи, в письменном виде) [10, с. 41]. Солидарен с данной позицией и Н. А. Финогенов [11, с. 42]. Однако С. Б. Россинскому и этот подход видится недостаточно полным. Он считает, что вербальная информация охватывает также иные идеальные следы как потенциальные объекты вербального познания, такие как планы, графики, чертежи, которые, по его мнению, тоже имеют «словесную», условно-знаковую форму, однако выражены с помощью иных знаков и символов [12, с. 99–106].

Единообразный подход к содержанию понятия вербальной информации важен в целях уяснения ее характерных особенностей, которые подлежат учету (возможно и нормативно) при оценке доказательств, сформированных на основе информации такого вида. Действительно, и планы, и схемы, и чертежи являются информацией, которая относится к личным доказательствам (сведения, сформированные посредством задействования сознания человека) и может быть получена как в рамках уголовного судопроизводства (рисунок, выполненный в ходе допроса), так и за пределами уголовно-процессуальных отношений (планы и чертежи, выполненные не в связи с судопроизводством по уголовному делу). Здесь субъективные факторы также подлежат учету. Однако толкование словесной информации тем не менее имеет свои особенности, сопряженные с характеристиками языка как средства общения и его структурной единицы – слова. Такое толкование имеет смысловое содержание. Толкование текста невозможно без уяснения не только правильного значения каждого слова, но и смысла сообщения, тогда как графические изображения или являются пояснением, позволяющим уяснить такой смысл, либо в свою очередь требуют преобразования в словесную информацию, подлежащую оценке как доказательство (например, показания о содержании рисунка).

Такие же показания могут потребоваться для правильной оценки не только личного, но и предметного доказательства, что не превращает предмет в вербальный источник. Относительно необходимости задействования языка для использования в доказывании личных доказательств, выраженных графически, отметим, что она обязательна для любого вида доказательств, в противном случае их просто не удастся использовать в обосновании выводов, необходимых для принятия процессуальных решений [10, с. 273].

Таким образом, вербальная информация – это информация, выраженная словом. Характеристика такой информации как личной (сформированной посредством сознания человека) имеет важное значение для

правильного определения производной вербальной информации и ее классификации в целях учета особенностей при оценке.

Производная вербальная информация, как отмечалось выше, может быть устной и письменной. В то же время при ее оценке нельзя игнорировать особенности первоначального источника информации. Очевидно, что он также может быть устным или письменным. При этом устная или письменная информация, исходящая от первоначального источника, может иметь разный материальный носитель – непосредственно человека, аудиозапись (для устной информации), видеозапись или электронный носитель (для устной и письменной информации). Для отнесения информации в классификационную группу производной вербальной информации важно, чтобы вербальной была не только производная информация, но и первоначальная, иначе утрачивается особенность, подлежащая учету при оценке – передача информации, воспринятой посредством слова. В случае восприятия от первоначального источника предметной или графической информации, лицо, передающее ее в сфере уголовного судопроизводства, является первоисточником, даже если предметное или личное доказательство, информация о котором передается в рамках процессуального действия, сформировано человеком (рисунок, планы, схемы и т. д.).

Таким образом, производная вербальная информация как доказательство в уголовном судопроизводстве – сведения, полученные в ходе процессуального действия, выраженные посредством слова (устно или письменно), об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного судопроизводства, сведения о которых получены лицом, передающим информацию, посредством восприятия устной или письменной информации (в любой форме и от любого носителя). Сведения об обстоятельствах получения такой информации при этом являются первоначальными, а не производными.

В последнее время как в науке, так и в правоприменительной практике стала формироваться тенденция отношения к произ-

водной вербальной информации как к недостаточно надежному виду информации в целях использования в уголовно-процессуальном доказывании. Острота проблемы подтверждается существованием группы ученых, которые вообще отрицают возможность использования производных доказательств. Негативное отношение к производным доказательствам авторы объясняют их недопустимостью и недостоверностью, что, по их мнению, проявляется в возможности искажения сведений при формировании производных доказательств, а также в том, что при их использовании не всегда есть возможность проверить первоисточник [13, с. 255]. Предлагается даже признать производные доказательства недопустимыми на законодательном уровне или, по крайней мере, установить приоритет первоначальных доказательств над производными [14, с. 202–203].

Вряд ли приведенные аргументы весомы. Во-первых, недопустимость здесь смешивается с недостоверностью, тогда как недостоверное доказательство может быть допустимым. Априорная недостоверность влечет недопустимость лишь в случае нарушения гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу, тогда как это не единственный вид уголовно-процессуальных гарантий. Например, свидетелем были неверно истолкованы услышанные им от другого лица сведения, ввиду чего он сообщил их следователю в искаженном виде, не соответствующем действительности. При этом формально процедура формирования доказательства соблюдена, что делает его показания внешне допустимыми. Однако с содержательной точки зрения доказательство недостоверно. Во-вторых, возможность искажения сведений не исключена и при восприятии первоначальной информации. Собственно, любая вербальная информация об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, в определенной мере производна, поскольку первоначален факт, о котором лицо устно или письменно сообщает. Языковые средства передачи информации, сопряженные с задействованием при этом

ощущений, представлений (возможность неумышленного искажения) и воли (что чревато умышленным искажением), в любом случае чреватые искажением информации в той или иной степени.

Принятие мер к установлению первоисточника при проверке производных доказательств, действительно, необходимо. При этом следует учитывать, что показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, являются недопустимыми (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Адекватное толкование этого положения предполагает, во-первых, что и показания потерпевшего, который не может указать источник своей осведомленности, также недопустимы, а во-вторых, в этих же случаях должны признаваться недопустимыми и показания обвиняемого (подозреваемого). Очевидно, не являются доказательством виновности лица показания обвиняемого, в которых он безосновательно (на основании предположения, слуха, догадки, без указания на источник осведомленности) указывает на совершение деяния другим лицом. В этой связи представляется, что в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ следует внести соответствующие изменения.

В случае невозможности установить первоисточник необходимо дать оценку достоверности факта его наличия и причинам невозможности установления. Результаты такой оценки, безусловно, влияют на оценку производного доказательства. Оценка производных показаний с точки зрения п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ предполагает, что недостоверность самого факта наличия первоисточника означает, что показания основаны на догадке, предположении или слухе, а значит, являются недопустимыми.

Согласимся с группой ученых, признающих производные доказательства полноценными и выступающими против их «демонизации» [15, с. 34–38]. Производные доказательства нередко могут иметь сильный доказательственный потенциал, в особенности при невозможности получе-

ния информации из первоисточника в силу различных объективных обстоятельств [16, с. 267]. Мало того, с их помощью возможно выявить и проверить достоверность самих первоначальных доказательств [17, с. 432]. Запрещение производных доказательств исключит доступ к массиву информации, получить которую иным путем невозможно [18, с. 27].

Некоторые процессуалисты отмечают, что субъект доказывания при собирании доказательств должен быть ориентирован на первоначальные доказательства, которые, по их мнению, являются приоритетными в сравнении с производными [6, с. 87]. Они считают, что производные доказательства допустимо использовать лишь в исключительных случаях (при утрате, уничтожении, сокрытии первоисточника). Полагаем, такое мнение ошибочно, так как и первоначальные доказательства не гарантируют абсолютной достоверности (подозреваемый при допросе у следователя может скрыть или исказить факт совершения преступления или отдельных его обстоятельств). Существует подход, согласно которому при работе с производными доказательствами требуется повышенное внимание и осторожность [19, с. 257]. Считаем, что сама постановка вопроса об особом отношении к каким-либо доказательствам или установлении приоритета одних над другими неправомерна в условиях действия принципа свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

К сожалению, страдает отсутствием единообразия и правоприменительная практика. Одни суды безоговорочно признают допустимыми производные вербальные сведения, полученные со слов подо-

зреваемого лица, при условии известности первоисточника¹. Другие в аналогичных ситуациях исключают их из доказательственной базы по уголовному делу по не всегда понятным мотивам². В судебной практике появились формулировки-штампы при оценке производных свидетельских показаний, что указывает на отголоски формализма в доказывании. В большей степени такой формальной оценке подвергаются свидетельские показания сотрудников правоохранительных органов относительно сведений, полученных ими в различных правовых режимах и в непроцессуальных ситуациях от подозреваемого (обвиняемого) или потенциального подозреваемого лица. Их показания отвергаются судами, в том числе по причине «заинтересованности в исходе дела»³. Аналогичные показания свидетелей – гражданских лиц принимаются беспрепятственно⁴.

Проблема использования в уголовно-процессуальном доказывании производных показаний свидетелей – сотрудников правоохранительных органов недостаточно разработана. Вместе с тем ее проявление в правоприменительной практике стало настолько распространенным, что вызывает необходимость в отдельном рассмотрении вопросов допустимого использования производных показаний данной категории лиц в доказывании. В первую очередь, проблема требует теоретического решения. Длительные дискуссии, не теряющая актуальности проблема обуславливают необходимость в постановке вопроса о возможности разработки научных критериев оценки производных доказательств, прежде всего вербальных, что позволит систематизировать мышление в ходе оценки доказательств и

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.11.2019 № 205-АПУ19-32 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2022 № 77-462/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 03.10.2018 № 44у-144/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 48-АПУ19-34 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

унифицировать судебную практику. Научно разработанные критерии, конечно, не являются правилами мыслительной деятельности, которую невозможно урегулировать нормативно, они призваны организовать деятельность субъекта доказывания с целью правильного определения предмета оценки [20, с. 104–105].

Интерес к вопросу использования показаний сотрудников правоохранительных органов в уголовном процессе возрос после того, как Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) высказал свою позицию, запретив использовать в уголовном процессе через допрос следователя (дознателя) показания подозреваемого (обвиняемого), данные им в ходе досудебного производства по уголовному делу без защитника (даже в случае отказа от защитника) и не подтвержденные в суде (что вытекает из смысла п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ)¹. Обратим внимание, что в данном решении Конституционного Суда речь идет о восстановлении показаний преследуемого лица, которые были им даны на допросе, проведенном в нарушение требований УПК РФ. При этом Конституционный Суд указывает, что ст. 56 УПК РФ, определяющая круг лиц, допрос которых в качестве свидетеля запрещен, не исключает возможности допроса следователя (дознателя), проводившего предварительное расследование по уголовному делу, в качестве свидетеля, в том числе об обстоятельствах производства отдельных следственных и иных процессуальных действий.

¹ По жалобе гражданина Демьяненко В. Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 УПК РФ : определение Конституционного суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 44-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Корчагина А. Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефремова Р. В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 42, 56 и 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2007 г. № 174-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Президиума Пермского краевого суда от 23.11.2019 № 44у-286-2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Позже Конституционный Суд расширил перечень лиц, допрос которых относительно содержания показаний подозреваемого (обвиняемого), данных в досудебном производстве без защитника и не подтвержденных в суде, недопустим, за счет должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в отношении подозреваемого².

В другом решении Конституционный Суд указал на возможность использования в доказывании показаний потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства об обстоятельствах, ставших им известными от подозреваемого (обвиняемого) вне рамок уголовного судопроизводства³. Таким образом, правоприменительная практика признания недопустимыми в качестве доказательств показаний сотрудников правоохранительных органов, основанных на сведениях (включая вербальные сообщения от задерживаемого), полученных при тех же обстоятельствах, что и обычным гражданином, фактически основана на «процессуальной дискриминации» по признаку профессии.

Позиция Конституционного Суда по данному вопросу стала основой формирования тенденций в доктрине и правоприменительной практике к вербальной информации, а в особенности к производной вербальной информации как к ненадежному виду информации⁴.

Преобладающую часть исключенных доказательств в таких судебных решениях составляют показания свидетелей – должностных лиц. При этом чаще всего при ис-

ключении их из доказательственной базы по уголовному делу суды ссылаются на ранее рассмотренное определение Конституционного Суда № 44-О (касающееся лишь случаев использования показаний подозреваемого (обвиняемого), данных им в ходе допроса, проведенного с нарушением закона), признавая недопустимыми показания, основанные на иной вербальной информации, полученной от преследуемого лица. Это свидетельствует о расширительном толковании судами позиции Конституционного Суда по данному вопросу, что, на наш взгляд, является весьма сомнительным. В связи с этим возникает вопрос: использование каких сведений, полученных от подозреваемого (заподозренного), возможно в доказывании путем ретрансляции их в ходе допроса в качестве свидетеля должностного лица, их воспринявшего. Для этого смоделируем ситуации возможного получения первоначальной информации от подозреваемого. Такие сведения могут быть получены в различных процессуальных режимах, а также вне процессуальной формы.

Рассмотрим виды первоначальной вербальной информации подозреваемого, которая может служить основой для формирования производных свидетельских показаний: 1) показания, данные подозреваемым (обвиняемым) в ходе следственного или иного процессуального действия, целью которого является получение вербальной информации (допрос, очная ставка); 2) сведения, которые являются формой выражения невербальной сущности процессуального действия (предъявление для опознания); 3) сведения, сообщенные в рамках следственного действия, направленного на получение информации невербального характера (осмотр, обыск, выемка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, освидетельствование); 4) объяснения, данные в ходе процессуального действия, целью которого является получение информации вер-

бального характера (в рамках ст. 144 УПК РФ); 5) сведения, полученные в рамках оперативно-розыскного мероприятия «опрос»; 6) сведения, ставшие известными при осуществлении мер процессуального принуждения, иных ОРМ и административных мер обеспечительного характера; 7) иные вербальные сведения, сообщенные гражданами при контакте с должностными лицами правоохранительных органов или между собой.

По поводу использования показаний подозреваемого (обвиняемого) через допрос должностных лиц ситуация разрешена Конституционным Судом (определение № 44-О). Таким же образом решается вопрос об использовании объяснений, полученных в порядке ст. 144 УПК РФ, которые отличаются от показаний лишь процедурой получения сведений. Допустимость использования вербальных сведений, полученных в иных ситуациях, детально не определена ни на законодательном, ни на доктринальном уровне, что вызывает трудности в правоприменительной практике при их использовании в доказывании.

Согласно позиции Конституционного Суда, проведение опроса лица, которое находится в уголовно-процессуальном «поле», ввиду чего пользуется всей совокупностью уголовно-процессуальных гарантий (предоставление квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции Российской Федерации) и правом не свидетельствовать против себя самого (ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации), должно осуществляться с учетом его правового положения, вне зависимости от формального процессуального статуса¹. Понятие уголовного преследования в науке дискуссионно, вместе с тем Конституционный Суд включает в него не только процессуальные действия, направленные на получение доказательств. Так, на факт уголовного преследования и обвинительную деятельность в отношении лица,

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Корчагина А. Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

согласно позиции Конституционного Суда, указывают случаи, когда управомоченными органами власти в отношении него предприняты меры, которыми реально ограничивается свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие бы то ни было иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность. Уголовное преследование может подтверждаться актом о возбуждении в отношении него уголовного дела, проведением следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него. При этом Конституционный Суд определяет цель деятельности должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, – выявление уличающих в преступной деятельности фактов и обстоятельств (вероятно, имеются в виду и случаи применения к лицу мер процессуального принуждения, что теоретически достаточно дискуссионно). Указанные случаи, свидетельствующие о проведении в отношении лица уголовного преследования, препятствуют получению показаний должностного лица, осуществлявшего такие действия, о сведениях, воспринятых от подозреваемого (заподозренного). Ключевым критерием недопустимости использования такой информации, воспроизведенной через допрос должностного лица, является цель – получение изобличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств преступной деятельности.

В иных ситуациях допрос должностных лиц о сообщенных обвиняемым, подозреваемым (заподозренным) сведениях по общему правилу возможен. Например, воспринятые при физическом захвате лица, выполнении служебных обязанностей, не связанных с преследованием, вербальные сведения могут являться предметом допроса сотрудника полиции (например, в ситуациях, когда лицо

непосредственно застигнуто при совершении преступления и дает пояснения о его обстоятельствах).

Любое должностное лицо правоохранительного органа, предпринявшее в отношении подозреваемого (обвиняемого) или лица, потенциального подозреваемого, действия или меры, изобличающие его в преступлении, обусловленные наличием подозрений против него, получившее в результате таких действий вербальную информацию от лица о фактах и обстоятельствах преступления, не вправе свидетельствовать относительно полученных сведений в ходе допроса.

Возможно предложить следующие критерии допустимого использования показаний должностного лица правоохранительного органа о сведениях, полученных от обвиняемого, подозреваемого (заподозренного): 1) информация получена должностным лицом правоохранительного органа, которое не предпринимало действий, составляющих содержание уголовного преследования, в отношении лица; 2) информация получена в ситуациях, когда между должностным лицом и преследуемым не существовало уголовно-процессуальных правоотношений, содержанием которых является целенаправленная деятельность должностных лиц по получению изобличающей в совершении лицом конкретного преступления информации, т. е. когда информация получена в связи с выполнением иных служебных обязанностей (например, в ходе проверки документов сотрудником дорожно-патрульной службы лицо сообщает в инициативном порядке информацию о том, что им был убит человек); 3) когда должностное лицо в ходе своей деятельности не преследовало цели получить от лица сведения изобличительного характера. Например, не препятствует допросу в качестве свидетеля участкового уполномоченного полиции относительно содержания сведений, сообщенных ему подозреваемым (обвиняемым), в отношении которого избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, в ходе проверки этого лица по месту жительства, поскольку между

ними отсутствуют процессуальные правоотношения; участковый уполномоченный полиции не преследовал цели получить такие сведения, он лишь выполнял свои служебные функции по проверке соблюдения меры пресечения; информация была сообщена подозреваемым (обвиняемым) в инициативном порядке. Предполагается, что случаи, когда информация была получена от преследуемого лица в иных ситуациях (при наличии соответствующей цели) должностным лицом, ее ретрансляция в ходе допроса последнего должна быть признана недопустимой.

Заключение

Выработка научно-обоснованных критериев оценки производных доказательств (в частности, производной вербальной информации) – актуальная и важная задача. Решаться она должна комплексно. Критерии, учитываемые при оценке таких доказательств, необходимо выработать не только в целом, но и с учетом особенностей использования производной вербальной информации должностных лиц, а также иных участников следственных (иных процессуальных) действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинский С. Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 111–119.
2. Конин В. В. Производные доказательства в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2016. № 6. С. 5–8.
3. Галяшин Н. В. О применимости англосаксонской модели производных доказательств (Hearsay) в практике современного уголовного судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 79–85.
4. Белкин Р. С., Жогин Н. В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.
5. Кудин Ф. М. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1966.
6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс / под общ. ред. А. В. Смирнова. 2-е изд. СПб.: Питер. 2005.
7. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960.
8. Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962.
9. Семенов В. В. Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
10. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
11. Финогенов Н. А. Фиксация вербальной информации: процессуальный и криминалистический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
12. Россинский С. Б. Гносеологические проблемы разграничения вербального и невербального способов познания в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 99–106.
13. Бостанов Р. А. Использование в доказывании по уголовному делу производных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12).
14. Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения: монография. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 202–203.
15. Леонтьева О. Г. Способы доказывания с участием свидетелей, которые обычно не допускаются // Адвокатская практика. 2013. № 6. С. 34–38.
16. Трусов А. И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики // Вопросы кибернетики и право. М.: Наука, 1967.
17. Власова Н. А. Уголовный процесс: курс лекций. М., 2001.
18. Склизов А. Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дис... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007.
19. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.

20. Победкин А. В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 104–105.

REFERENCES

1. Rossinsky S. B. The results of operational investigative activities must be recognized as evidence in a criminal case // Judicial power and criminal process. 2018. No. 2. P. 111–119. (In Russ.)
2. Konin V. V. Derivative evidence in criminal proceedings // Lawyer. 2016. No. 6. P. 5–8. (In Russ.)
3. Galyashin N. V. On the applicability of the Anglo-Saxon model of derivative evidence (Hearsay) in the practice of modern criminal proceedings // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014. No. 12. P. 79–85. (In Russ.)
4. Belkin R. S., Zhogin N. V. Theory of evidence in Soviet criminal proceedings. M., 1973. (In Russ.)
5. Kudin F. M. Derivative evidence and their sources in the Soviet criminal process: dis. ... Cand. of Law. Sverdlovsk, 1966. (In Russ.)
6. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Criminal process / edited by A. V. Smirnov. 2nd ed. SPb.: Piter. 2005. (In Russ.)
7. Trusov A. I. Fundamentals of the theory of forensic evidence. M., 1960. (In Russ.)
8. Cheltsov-Bebutov M. A. Soviet criminal trial. M., 1962. (In Russ.)
9. Semenov V. V. Procedural and forensic problems of using non-verbal information at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ...Cand. of Law. Saratov, 2003. (In Russ.)
10. Pobedkin A. V. Theory and methodology of using verbal information in criminal procedural proof: dis. ... Doctor of Law. M., 2005. (In Russ.)
11. Finogenov N. A. Fixation of verbal information: procedural and forensic aspects: dis. ...Cand. of Law. M., 2010. (In Russ.)
12. Rossinsky S. B. Epistemological problems of distinguishing between verbal and non-verbal methods of cognition in criminal proceedings // Philosophy of Law. 2021. No. 2 (97). P. 99–106. (In Russ.)
13. Bostanov R. A. Use of derivative evidence in proving a criminal case // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1 (12). (In Russ.)
14. Novitskiy V. A. Theory of Russian procedural evidence and law enforcement: monograph. Stavropol: SSU Publishing House, 2002. P. 202–203. (In Russ.)
15. Leontyeva O. G. Methods of proof with the participation of witnesses, which are usually not allowed // Lawyer's practice. 2013. No. 6. P. 34–38. (In Russ.)
16. Trusov A. I. Judicial proof in the light of the ideas of cybernetics // Issues of cybernetics and law. M.: Nauka, 1967. (In Russ.)
17. Vlasova N. A. Criminal procedure: a course of lectures. M., 2001. (In Russ.)
18. Sklizkov A. N. The principle of immediacy of criminal proceedings: abstract. dis... Cand. of Law. Vladivostok, 2007. (In Russ.)
19. Vyshinsky A. Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law. M., 1950. (In Russ.)
20. Pobedkin A. V. The principle of freedom to evaluate evidence and its influence on the legality of pre-trial proceedings // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (41). P. 104–105. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. А. Киселева, адъюнкт.

Information about the author:

A. A. Kiselyova, adjunct.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.